

УЧЕНИЕ О ГИПОТЕТИЧЕСКИХ СИЛЛОГИЗМАХ В КОММЕНТАРИИ БОЭЦИИ К «ТОПИКЕ» ЦИЦЕРОНА*¹

Бозций (ок. 480 — 524(526?)) изложил учение о гипотетических силлогизмах не только в основном трактате, целиком посвященном этой теме, но и в некоторых других. Речь идет прежде всего о «Комментариях к «Топике» Цицерона» и трактате «О топических различиях»². Эти работы, по мнению итальянского исследователя Луки Обертелло³, написаны позднее основного трактата, в последний период творчества Бозция, т. е. примерно в 520–523 гг. В них Бозций возвращается к теме условных посылок и силлогизмов с точки зрения риторики. Надеемся, что обращение к этим трактатам прояснит некоторые проблемы учения о гипотетических силлогизмах. В частности, наше исследование должно помочь ответить на следующие вопросы: 1) что представляют собой аксиомы стоиков? 2) как соотносятся аксиомы с топами? 3) почему в списке аксиом стоиков, самый ранний из которых приведен именно в «Топике» Цицерона, даны не пять, а семь аксиом, одна из которых не общезначима?

«Топика» Цицерона представляет собой небольшую по объему работу, написанную в форме сжатого конспекта — логического руководства для друга-юриста. Хотя Цицерон и ссылается в начале своей работы на «Топику» Аристотеля, содержание его собственного трактата показывает, что в качестве источника Цицерон больше пользуется одним из современных ему учебников по риторике. Не зная эти учебники, трудно понять до конца изложение Цицерона. Поэтому не случайно, что Бозций взял на себя труд написания обстоятельного комментария к «Топике» Цицерона, который в несколько раз превысил объем источника и методично разъяснил всю работу. Трактат Бозция

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ: проект № 03-03-00459а.

¹ Данная статья является продолжением работы: Тоноян Л. Г. Место трактата Бозция «О гипотетических силлогизмах» в историко-логическом процессе // Логико-философские штудии. Вып. 2. СПб., 2003. С. 181–222.

² Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Patrologia latina. Т. 64. Paris, 1847. Col. 1041–1173, 1173–1217. — Далее ссылки на трактаты Бозция, опубликованные в этом издании, будут даны в тексте.

³ Obertello L. Introduzione // A. M. Severino Boezio. De hypotheticis syllogismis. Brescia, 1969. P. 67.

© Л. Г. Тоноян, 2005

на русском языке отсутствует, а вот «Топика» Цицерона недавно была впервые опубликована на русском языке⁴.

1. «Условное место»

Близко следуя тексту «Топики» Цицерона, Боэций обращает особое внимание на природу условных предложений, на проблему следования. Он дополняет и расширяет текст Цицерона более точным изложением логических взглядов как стоиков, так и Аристотеля. Цицерон перечисляет в своей «Топике» список мест (греч. τόπος, лат. locus) для доказательств, где восьмое, девятое и десятое названы Цицероном так: из предшествующих (ex antecedentibus), из последующих (ex consequentibus), из противоборствующих, или противоречащих (ex repugnantibus). Заметим, что под этими названиями они в дальнейшем фигурируют в качестве модусов гипотетических силлогизмов у Марциана Капеллы и других латинских комментаторов. Но сначала процитируем Цицерона:

«53. Далее идет место, принадлежащее собственно диалектикам: сопутствующее, предшествующее и противоборствующее, что весьма отлично от присоединяемого. Ведь те присоединяемые обстоятельства, о которых я только что говорил, происходят не всегда, а сопутствующие — всегда. Сопутствующим я называю то, что с необходимостью сопутствует вещи. Таково и предшествующее, и противоборствующее: то, что предшествует вещи, связано с ней необходимо, а то, что противоборствует, таково, что не может быть с ней связано никогда.

XIII. Итак, данное место делится на три части: сопутствующее, предшествующее, противоборствующее. Так что само место для нахождения доказательств одно, а способов употребления три.

Действительно, если принято, что женщине должно получить наличные деньги, если ей отказано все серебро, то не будет разницы, построишь ли ты доказательство так: “Если наличные деньги — серебро, то они отказаны женщине; наличные деньги — серебро, следовательно, они отказаны”. Или так: “Если наличные деньги не отказаны, значит, наличные деньги — не серебро, но наличные деньги — серебро, следовательно, они отказаны”. Или так: “Нельзя, чтоб и се-

⁴ Цицерон. Топика / Пер. А. Е. Кузнецова // Цицерон. Эстетика. Трактаты. Письма. М., 1994. С. 56–81.

ребро было отказано, и наличные деньги не были отказаны; серебро отказано, значит, отказаны и наличные деньги”.

54. Такое построение доказательства, когда, приняв первое высказывание, ты получаешь то, что с ним связано, диалектики называют первым способом умозаключения. Когда ты отрицаешь то, что связано, чтобы отрицать и то, с чем оно связано, это называют вторым способом умозаключения. Наконец, когда отрицаешь соединение высказываний и принимаешь одно или несколько из них, чтобы отрицать оставшееся, — это называют третьим способом умозаключения»⁵.

Приведенные Цицероном примеры подтверждают, что речь идет о первых трех «недоказуемых» из известного списка стоиков, в символической форме выражимых так:

$$I. 1 \rightarrow 2, 1 \vdash 2$$

$$II. 1 \rightarrow 2, \sim 2 \vdash \sim 1$$

$$III. \sim(1 \& \sim 2), 1 \vdash 2$$

Поскольку Цицерон сам указывает, что такие рассуждения соответствуют первым трем модусам гипотетических силлогизмов, возникает вопрос: можно ли считать эти названия названиями модусов, т. е. форм выводов? Как эти модусы соотносятся с топами? Вот что пишет Бозций по этому поводу: «Марк же Туллий умалчивает о названии этого места, которое, мне кажется, следует назвать целиком условным. Чтобы наиболее четко прояснить природу этих мест, а также их названия, сделаем очевиднее изложенное. Сначала следует дать определение отдельных частей. Предшествующее (антецедент) — это то, с принятием чего становится необходимым следование чего-то другого; также последующее (консеквент) чего-либо есть то, что необходимо есть, если установлено, что оно вытекает из предшествующего. Противоречащее — то, которое не может существовать вместе с чем-либо, о ком говорится, что оно ему противостоит. О предшествующих, последующих, противоречащих мы говорим как об одном месте, и мы скоро увидим, каким образом это место является одним. Когда спрашивают, как же предшествующее, последующее и противоречащее занимают одно место, следует показать, что такое понимание само непротиворечиво. Естественно, есть две части: одна — предшествующее, другая — последующее. Когда одно предшествует, будучи совместно с другим, необходимо, чтобы следование согласовывалось по самой своей природе. Хотя у несовместимых и имеются две части, однако же у обеих частей одно имя, ибо и та и другая называются про-

⁵ Там же. С. 68–69.

тиворечащими. Эти две части противоречат друг другу, и никто не может знать, как они согласуются, в то время как предшествующее и последующее — два имени, согласующиеся между собой. А у противоречащих только одно имя, поскольку одно разбивается здесь на две части, так что тот же самый ум, то же самое представление понимает смысл того, что предшествует, и того, что его сопровождает» (In Ciceronis Topica I 124B–1124D).

Таким образом, Боэций обосновал объединение трех модусов в один топ на том основании, что первые посылки этих модусов представляют собой условные предложения, в том числе и третий модус, который у стоиков выражен через отрицание конъюнкции. Далее он разъясняет необходимость именно условного предложения, а не отрицания конъюнкции для выражения противоположности, несовместимости двух мыслей.

«Условное предложение есть такое предложение, которое излагает с условием, т. е. что нечто имеется, когда имеет место что-то другое, к примеру — если говорим: *если есть день, то светло*. Эта последовательность (consequentia) вещей легко обращается в противоположность, несовместимость (contradictoria). А именно: если к последующему обстоятельству присоединить отрицание, из него получается противоположность: из предложения *если есть день, есть свет* получается такая противоположность: *если есть день, света нет*, ибо несовместимо, что день есть, а света нет. Эта несовместимость состоит в условии, ибо говорим: *если день есть, света нет*, а дню противоположна ночь. Ведь последующее (консеквент) *нет света* означает ночь, поэтому *есть день* и *нет света* — предложения несовместимые. Итак, доказано, что несовместимость обращается в условие, потому что если нет условия, то нет и противоположения. *День есть, света нет* — оба отдельных предложения имеют свой смысл, но они не понимаются как нечто общее и, взятые в разное время, они могут быть истинными, а не противоположными. Как в предложениях *есть день, есть свет* нет никакой последовательности, поскольку отсутствует условие, которое создает связь этих предложений, но то и другое разъясняют свой смысл раздельно, также и в предложениях *день есть, света нет* нет противоположения, поскольку они сохраняют свой смысл отдельно. А если вводится условие в эти предложения, то мысль связывается так, чтобы получилось последующее, во втором же случае — так, чтобы получилось противоположное. *Если есть день, есть свет* — это одно условное предложение, произведенное при помощи условия; другое

предложение противопоставляет: *если есть день, нет света*. Ибо необходимо противопоставлять отрицание того, что следует.

Важнее то, что аргумент из предшествующего и последующего есть аргумент из одного предложения, возникающего из связанных частей, а именно из условного предложения, одна часть которого — предшествующее, другая — последующее. Потому что если бы был аргумент от несовместимых, то получилось бы, наоборот, что такой аргумент возникает из частей одного предложения. Следовательно, из таких предложений: *день есть, свет есть* — ни одно не может быть связано с другим иначе как условием. Притом так, чтобы одно стало предшествующим, а другое — последующим, и поэтому не может быть аргумента из предшествующего и последующего, ибо их два. И из предложений *день есть, света нет* может быть создано только объединенное условием одно предложение, части которого несовместимы, а именно так, чтобы в связанном предложении одна часть была предшествующим, другая — последующим и одна из двух частей предложения другую взаимно исключала бы. Важнее, что противопоставляющее предложение обладает контрарностью, т. е. то, что предшествует, влечет то, что следует, и в этом предложении части не могут существовать одновременно. Различие же несовместимых понимают обыкновенно под одним родом.

Следовательно, если соединенное предложение выстроено в условие, то противопоставляющее также состоит из условия, поэтому нет сомнения, что это место по праву называется условным и является одним местом, данным в условии отдельными частями, т. е. предшествующим, последующим и противопоставляемым.

В соединительном предложении одна часть — предшествующее, другая — последующее, части же противопоставляющего предложения исключают друг друга. Нас не должно волновать понимание того, что предложения *день есть, свет есть* согласуются по смыслу, а *день есть, света нет* различаются и как бы расходятся, но предложение связано, когда нечто предшествует, а другое следует из него, а также когда противопоставляет в случае, если данное отрицается другим, ибо это не может быть произведено иначе как на основе условия. Поэтому я полагаю ясно доказанным, что это место следует называть условным и правильно установленным Цицероном как одно место. А каким образом существует аргумент от предшествующего, последующего и противоречащих, я скажу впоследствии» (In Ciceronis Topica 1125C–1126D).

Стало быть, Боэций методично уточняет то, что в «Топике» Цицерона выражено не совсем ясно: имеет место не три, а один топ, который уместно назвать условным и которому соответствуют первые три модуса диалектиков. Боэций совершенно справедливо называет его условным, так как исходит в этом топе из условной посылки, в том числе и в третьем способе, где мы имеем отрицание конъюнкции. И Хрисиппу, который, как полагают, добавил этот модус, и Боэцию хорошо известна эквивалентность $1 \rightarrow 2$ и $\sim(1 \& \sim 2)$.

Но Боэций указывает на большее, а именно — что имеет место $\sim(1 \rightarrow \sim 2) \rightarrow \sim(1 \& \sim 2)$, т. е. отрицание конъюнкции есть следствие отрицания консеквенции. Он полагает, что условная связь более универсальна, чем конъюнктивная, и именно ее называет соединительной связью.

Итак, условный топ один, а способов рассуждения — три. Значит, топ не тождествен модусу: есть нечто, объединяющее способы рассуждения в одно место, в данном случае природа условного предложения.

2. Условное предложение

Чтобы понять соотношение топов и аксиом — «недоказуемых», следует рассмотреть, какие типы условных предложений вводит Боэций и как следует отрицать такое предложение. К определению условных предложений Боэций снова возвращается после основного трактата в работе «О топических различиях»:

«Условное предложение, которое греки называют гипотетическим, состоит из двух простых. Первая часть называется предшествующей (*antecedens*), вторая — последующей (*consequens*), как, например: *если круглое, то вращается*. Быть круглым — предшествует, быть вращаемым — следует. Из условных предложений одни — простые, другие — соединенные (*conjunctae*). Простые — те, которые имеют в качестве своих частей предикативные предложения: *круглое, вращается*. Виды многократно соединенных мы еще будем старательно излагать на этих страницах, посвященных гипотетическим силлогизмам. Видов же простых гипотетических предложений четыре: 1) либо они состоят из двух утвердительных: *если круглое, то вращается*; 2) либо из двух отрицательных: *если небо не круглое, то не вращается*; 3) либо из утвердительного и отрицательного: *если квадратное, то не вращается*; 4) либо из отрицательного и утвердительного: *если не круглое, то устойчивое*.

Одни из предложений известны сами по себе, и для них не могут быть найдены доказательства, другие же, несмотря на то что душа слушателя понимает их содержание, доказываются тем не менее с помощью других, вышеуказанных предложений. Те, для которых нет никакого доказательства, называются максимами и началами, поскольку необходимо, чтобы они доказывали те предложения, которые не отвергают возможности быть доказанными. Есть, к примеру, такое предложение-максима: *если от равных отнять равное, то оставшиеся части тоже будут равны*. Это предложение достоверно само по себе, так что не существует чего-либо другого — более достоверного, посредством чего оно бы доказывалось. Поскольку эти предложения достоверны по самой своей природе, они не только не нуждаются в чем-то другом для доказательства своей достоверности, но и сами служат для прочих доказательств началами (*principium*).

Итак, предложения, известные сами по себе, для которых нет более достоверных, называются недоказуемыми (*indemonstrabiles*), максимами и началами. А те, которые хотя и понимаются рассудком слушателя, однако становятся более известными, если их исследовать, берут свою достоверность из других; они называются доказуемыми (*demonstrabiles*), меньшими (*minores*) и производными (*posteriores*). О таких предложениях достаточно» (*De differentiis topicis* 1176A–D).

Данный отрывок важен для нас как свидетельство того, что Бозций трактует недоказуемые как аксиомы в смысле, указанном Аристотелем, и даже приводит пример такого рода начала доказательства, взятый из «Второй аналитики» Аристотеля⁶ и представляющий собой по форме условное предложение. Аристотель сформулировал аксиому для категорических силлогизмов, значит, могут быть найдены аксиомы и для гипотетических силлогизмов. Что касается соотношения аксиом и топов, то в данном случае три аксиомы объединяются в один топ на основе одного аргумента — условного предложения. Далее Бозций рассматривает типы условных предложений.

«Из этих предикативных предложений получают сложные предложения, из которых одни имеют связку соединительную, как в предложении *и день есть, и свет есть*, а другие получают благодаря условию и называются условными предложениями. Те, которые составлены благодаря соединению частей, ведут к последовательности и условию.

⁶ Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978. С. 274.

Пусть даны два предикативных предложения: *есть животное*, *есть человек*. Если допустить их соединение, ввести союз, то получится: *если есть человек, тогда есть и животное*. Таким образом, два предикативных предложения связываются союзом в одно условие. Если они таковы, то называются гипотетическими, или условными, предложениями и из них получаются гипотетические, или условные, силлогизмы. Вообще же гипотетическое предложение получается или соединением, или разделением; через соединение так: *если есть день, есть свет*, а через разделение так: *либо день, либо ночь*. Из соединительных одни образуются из двух утвердительных предложений, как, например, *если есть день, есть свет*, ведь и то и другое предложение что-то утверждает, а другие образуются из двух отрицательных: *если нет света, то нет дня*, ибо оба предложения суть отрицания. Еще одни образуются из утвердительного и отрицательного предложений: *если есть день, то нет ночи*, другие же — из отрицания и утверждения: *если нет дня, есть ночь*. Однако всякое из них связано. Ибо либо утверждение следует из утверждения, либо отрицание из отрицания, либо из отрицания утверждение, либо из утверждения отрицание. И противоположные образуются посредством связи, а именно: там, где из утверждения следует утверждение, вставляется отрицание — и получается несовместимость. Например, из утверждения следует утверждение: *если есть день, есть свет*. А когда скажем: *если есть день, нет света*, тогда части предложения противоречат благодаря расположенному между ними отрицанию. А когда из отрицания следует отрицание, то, если у последующей части убрать отрицание от глагола, получится противоречие таким образом: *если не животное, то не человек* — это связь из двух отрицательных предложений; и если в последующей части *не есть человек* убрать отрицание у глагола, то получится *если не животное, то человек*, что является противоречием.

А если из отрицания следует утверждение, то либо к последующей части прибавляется отрицание, либо предшествующая часть отрицается — и получается противоречие. *Если нет дня, есть ночь* — здесь из отрицания следует утверждение; и, следовательно, либо к последующему (консеквенту) *есть ночь* прибавляется отрицание, и тогда получается *если нет дня, то нет ночи*, либо предшествующее отрицается так, что будет: *если день, то ночь* — и необходимо получается противоречие.

А если из утверждения следует отрицание и у последующего отнимается отрицание, то части, соединенные в предложении, оказываются несовместимыми. Например, *если бодрствует, то не спит* —

здесь из утверждения следует отрицание, и если убирается отрицание из последующего *не спит*, получается *если бодрствует, то спит*, что будет противоречием» (In Ciceronis Topica 1131A–1132A).

Обратим внимание, что, хотя и вскользь, при делении сложных предложений упоминаются вначале предложения, соединенные союзом «и» (et), но далее конъюнктивные предложения не рассматриваются. Основной вид сложных предложений — это условные предложения, которые в свою очередь делятся на связывающие, соединительные (с союзом «если... то») и разделяющие, дизъюнктивные (с союзом «либо... либо»). И те и другие, поскольку учитывается отрицание, могут быть выражены четырьмя способами, в частности — соединяющие так: $(1 \rightarrow 2)$, $(\sim 1 \rightarrow \sim 2)$, $(\sim 1 \rightarrow 2)$, $(1 \rightarrow \sim 2)$. Каждое из них можно превратить в противоречие, а именно:

отрица условную связь $(1 \rightarrow 2)$, Боэций получает $(1 \rightarrow \sim 2)$,

из $(\sim 1 \rightarrow \sim 2)$ получается $(\sim 1 \rightarrow 2)$,

из $(\sim 1 \rightarrow 2)$ получается $(1 \rightarrow \sim 2)$, а также $(1 \rightarrow 2)$,

из $(1 \rightarrow \sim 2)$ получается $(1 \rightarrow 2)$.

Это верно, так как имеет место: $\sim(1 \rightarrow 2) \rightarrow (1 \rightarrow \sim 2)$, т. е. если отрицаем импликацию, то следует отрицать ее консеквент.

3. О «силе аргумента»

«В соединительных и разделительных предложениях следует понимать то обстоятельство, что в частях этих предложений заключаются сила вопроса и аргумента. Ибо если мы сомневаемся в том, что есть свет, то для ответа следует доказать, что есть день. Следовательно, если предложение будет таким: *если есть день, есть свет*, часть всего предложения, которая следует из первой, т. е. *есть свет*, является вопросом (questionis). Именно в этой части вопрошается, есть ли свет, первая же часть, т. е. *есть день*, содержит в себе силу аргумента. Ибо из того, что есть день, доказывается, что есть свет, и в прочих — либо соединительных, либо разделительных — предложениях имеется такой же вывод.

Во всех этих [предложениях] силлогизм и аргументация применяются для доказательства вопроса. Всякий же вопрос выражает сомнение, но силлогизм, который применяется к неясным вопросам, несомненен и очевиден, ибо они необходимо состоят из ясных, очевидных и поистине понятных предложений. Первые же посылки частью

известны сами по себе, частью нуждаются в каком-либо доказательстве.

Всякий же силлогизм имеет вместе с предшествующим высказыванием какую-либо присоединяемую часть, так что завершается вопросом: *если есть день, есть свет?* Чтобы, следовательно, мне убедиться, что есть свет, я прибавлю первую часть предложения, ранее установленную, и скажу: *а день есть*, и тогда удаляю то, что было заключено в вопросе: *следовательно, есть свет*. Итак, чтобы сделать заключение в силлогизме, в предпосылке используется все высказывание, а в добавленной посылке — часть высказывания, и необходимо, чтобы те посылки, которые используются, не имели ничего сомнительного, конечно, если следует получить достоверность тех, которые были спорными. Потому что если какое-либо предложение известно само по себе и, очевидно, при этом находится какое-либо другое предложение, нуждающееся в доказательстве, а также становится известным, что некая вторая посылка истинна сама по себе, то доказательство нуждается во вспомогательном средстве. Ведь если будет так, что нужно будет доказывать и первую и вторую посылки, то получится пятичастный силлогизм (который Цицерон открыл в “Риторике”), состоящий из первой посылки и ее доказательства, второй посылки и ее доказательства и заключения. Потому что, если ни то ни другое не следует доказывать, имеем трехчастный силлогизм, состоящий, конечно, из двух посылок и заключения. А если вторая посылка должна быть доказана, получается четырехчастный силлогизм, состоящий из первой, второй посылки, доказательства одной из них и заключения. Доказательство же самого заключения совершается посылками предшествующей и добавленной.

Всякое гипотетическое предложение (посылка) является либо соединительной, либо разделительной. В соединительных посылках одна часть излагается в качестве предшествующей (*praecedens*), а другая — в качестве последующей (*consequens*), причем этим же самым последующим мы называем и связь: в предложении *если есть день, есть свет* предшествует *есть день*, а привязывается *есть свет*. В разделительных же предложениях получается не тот же самый вывод, поскольку они не могут быть подобными предыдущим и о них никак не может говориться, что между ними есть связь. Исходя из этого они считаются предшествующим и вплотную идущим, ибо то, что дается сперва, естественно называть предшествующим (*praecedens*), а второе — сопутствующим (*subsequens*)» (In Ciceronis Topica 1132A–1133A).

Здесь Боэций рассмотрел место условного предложения в процессе аргументации. Условное предложение может выступать аргументом, причем если его консеквент истолковывается как вопрос, то антецедент рассматривается как заключающий в себе силу аргумента. Ответ на вопрос, заключенный в консеквенте, проясняется приспособлением к аргументу соответствующего силлогизма, несомненного и содержащего очевидные посылки. Если же какая-либо из посылок неясна, то для нее надо найти другой аргумент, и тогда, как считает Цицерон, силлогизм получается четырехчастным, а если обе посылки неясны, то — пятичастным. Это не вполне понятное «открытие» Цицерона Боэций передает без подробных разъяснений, а ранее, в трактате «О гипотетических силлогизмах»⁷, отмечает данное нововведение как ошибочное. Там он доказывает, что условный силлогизм может состоять только из трех частей.

4. Анализ недоказуемых

Особый интерес для нас представляет то место в комментарии Боэция, где он излагает схемы недоказуемых. Дело в том, что историко-логическая традиция приписывает создание системы гипотетических силлогизмов, состоящей из пяти недоказуемых схем, стоикам, в частности Хрисиппу. Поскольку труды стоиков не сохранились, сведения эти черпаются из произведений Секста Эмпирика и Диогена Лаэртского, живших во II в. н. э. «Топика» Цицерона, написанная в I в. до н. э., является, по-видимому, самым ранним источником, в котором излагаются стоические схемы недоказуемых, при этом список включает не пять, а семь силлогизмов:

«Такое построение доказательства, когда, приняв первое высказывание, получаешь то, что с ним связано, диалектики называют первым способом умозаключения. Когда ты отрицаешь то, что связано, чтобы отрицать то, с чем оно связано, это называют вторым способом умозаключения. Наконец, когда отрицаешь соединение высказываний и принимаешь одно или несколько из них, чтобы отрицать оставшееся, это называют третьим способом умозаключения.

...Остались еще многочисленные способы, составляемые диалектиками из разъединения [высказываний]: “Или первое, или второе; первое и, следовательно, не второе”. И еще: “Или первое, или второе,

⁷ *Boezio A. M. Severino. De hypotheticis syllogismis. P. 276.*

не первое и, следовательно, второе”. Такие умозаключения действительны потому, что в разъединении не может быть истинным более одного [высказывания]. 57. Итак, из описанных выше умозаключений первое диалектики называют четвертым, а последнее — пятым. К ним добавляют отрицание соединения: “Ложно, что первое и второе; но первое, следовательно, не второе”. Это шестой способ. Седьмой: “Ложно, что и первое, и второе; но не первое, следовательно, второе”»⁸.

Здесь к тексту Цицерона сделано следующее примечание издатель: «Шестой и седьмой способы не имеют логического смысла. Не ясно, ошибка ли это Цицерона или позднейших рукописей»⁹.

Предположение о том, что Цицерон мог ошибиться в описании последнего модуса, маловероятно, так как этот список повторяется с небольшими изменениями у греческих и латинских авторов, как находящихся под влиянием Цицерона, так и ссылающихся на других авторов. В частности, Кассиодор указывает в качестве источника труды Мария Викторина, Туллия Марцелла и даже Варрона. Исследователь логики Стои М. Фреде¹⁰ предполагает, что у Хрисиппа было пять схем, а его последователи, поздние стоики, добавили новые. В связи со сказанным может вызвать интерес то место комментария Боэция к «Топике» Цицерона, где он анализирует семь недоказуемых. Интерес этот подогревается еще и тем, что в основном труде Боэция по указанной теме, в трактате «О гипотетических силлогизмах», нет данного списка. Это наводит исследователей на мысль, что Боэций написал основной трактат на несколько лет раньше и использовал в качестве источника греческие тексты перипатетиков Теофраста и Эвдема, но не тексты стоиков. При этом следует отметить, что в большом трактате тем не менее исследуются первый, второй, четвертый и пятый силлогизмы из указанного списка. Позднее, комментируя «Топику» Цицерона, Боэций, по-видимому, располагал уже другими, стоическими источниками. Вот его изложение учения стоиков о недоказуемых:

«Следовательно, из тех предложений, которые связаны, получатся первый и второй модусы гипотетического силлогизма, если же прибавляется отрицание в связанное предложение, состоящее из двух утвердительных, и, сверх того, отрицается само предложение, то это дает третий модус; из дизъюнктивных предложений различным спо-

⁸ Цицерон. Топика. С. 68–69.

⁹ Там же. С. 488.

¹⁰ Frede M. Die stoische Logik. Göttingen, 1974. S. 157–167.

собою прибавленное даст четвертый и пятый модусы, а тот и другой, выраженные через отрицание, — шестой и седьмой.

Это те семь гипотетических заключений, которые упомянул Марк Туллий в “Голике” и которые он расположил в последовательном порядке и привел для них примеры.

Итак, первый модус таков, что в нем прибавляют то, что в связанном предложении предшествует, чтобы показать то, что следует. Если же прибавим ту часть связанного предложения, которая следует, не получится никакого силлогизма. Пример здесь такой: *если день, то светло*. Чтобы доказать, что светло, необходимо, чтобы был день. Прибавляем: *при этом день*, и тогда по необходимости следует: *светло*. А если прибавляем: *при этом светло* — не необходимо имеется день и поэтому нет необходимости для заключения. А где нет необходимости, не может быть силлогизма. Итак, первый модус имеет такую форму: *если день, то светло; при этом день, значит, светло*.

В этом же модусе имеет место такая посылка, которая добавляет либо предшествующее, либо сопутствующее (*subsequens*), как в случае с человеком и смеющимся: *если человек, то смеющееся существо; при этом человек, значит, смеющееся*; а также так: *при этом смеющееся, значит, человек*. Причина в том, что человек и смеющееся — равные термины, и поэтому необходимо, чтобы одно сопровождалось другим. Но это имеет место не во всяком предложении, поэтому мы не говорим вообще, что прибавлением последующего доказывается предшествующее.

Второй же модус получается, когда прибавляется последующее, чтобы отрицать то, что предшествовало, следующим образом: *если день, то светло*; если мы добавляем *не светло*, то следует, что нет дня. А если отрицаем то, что есть день, т. е. добавляем противоположным образом то, что предшествует, и высказываем это в виде предложения, тогда связанное в посылке не разрушается, как если бы мы сказали: *при этом дня нет*; отсюда не следует сразу, что не светло, ибо может не быть дня, но все же будет светло.

Второй модус имеет, следовательно, такую форму: *если есть день, то светло; при этом не светло, значит, нет дня*.

Таким образом, первый модус прибавляет то, что предшествует, чтобы доказать то, что с ним связано, и не может добавляться то, что следует, с целью доказать то, что предшествует. А второй модус добавляет противоположное тому, что следует, чтобы опровергнуть предшествующее, и нельзя добавлять противоположное предшествующему, чтобы отрицать то, что с ним связано.

Третий модус имеет место тогда, когда между частями предложения, состоящего из двух утвердительных предложений, вставляется отрицание — и само отрицание отрицается. Такое предложение греки называют гиперапофатическим. Если между частями предложения: *если день, то светло* вставляется отрицание, то получается так: *если день, света нет*. А если это в свою очередь будем отрицать, будет так: *неверно, что если день, то света нет*. Смысл же у этого предложения такой: если есть день, то не может быть, чтобы не было света. Это предложением назовем по-латыни сверхотрицающим (*superabnegativo*), и таковы все, у которых отрицание ставится перед отрицанием, как в предложении *не не есть день* (*non non est dies*).

Следовательно, если добавляем первую часть, т. е. *день есть*, следует *есть свет* таким образом: *неверно, что если есть день, нет света, но день есть, значит, есть свет*.

Этот модус отличается от многих вышеназванных, потому что в том модусе, который от предшествующего, утверждается предшествующее, чтобы присоединить то, что следует; в модусе от последующих отрицается последующее, чтобы отрицать предшествующее; в этом же модусе имеет место и то и другое, а именно: и предшествующее утверждается, чтобы доказать то, что следует, и сопутствующее отрицается, чтобы опровергнуть то, что предшествует. Этот модус содержит в себе противоречащие друг другу части: *если есть день, нет света*. И поэтому верно положение, что противоположание последования отрицается посредством другого отрицания — и все восстанавливается путем утверждения. А именно: если истинно, что *если есть день, есть свет*, то ложно: *если есть день, нет света*. То же предложение, которое отрицает последнее, таково: *не (верно, что) если есть день, нет света*, что совершенно схоже с утверждением *если день, то свет*, потому что двойное отрицание дает утверждение.

Подобное же получается из частей противоречащих предложений в случае, когда они составлены либо из двух отрицательных, либо из отрицания и утверждения, либо из утверждения и отрицания. А каким образом — об этом сказано выше.

Доказательство же предложения, которое состоит из двух отрицательных и при этом противоречащих предложений, будет таким. Пусть имеется предложение: *если нет света, то нет дня*; противоречием будет следующее: *если нет света, то день*. Прибавляем отрицание, чтобы получить истину, таким образом: *не (верно, что) если нет света, есть день; при этом света нет, значит, нет дня*.

Таким же образом из отрицания и утверждения будет следующее предложение: *если нет дня, есть ночь*. Прибавляя ко второй части отрицание, получаем: *если нет дня, нет ночи*. Полученное проговoreчие тем не менее отрицается, дабы получилось истинное предложение: *неверно, что если нет дня, нет ночи, при этом дня нет, значит, ночь*.

Также если в этом предложении, которое состоит из отрицания и утверждения и гласит: *если нет дня, есть ночь*, отнять у первой части отрицание, то получится такое противоречие: *если день, то ночь*. Ему приставляем отрицание: *неверно, что если день, то ночь* — и добавляем: *при этом день*, тогда заключаем: *следовательно, ночи нет*.

А если предложение состоит из утверждения и отрицания, например: *если бодрствует, то не спит*, тогда у второй части отнимается отрицание, чтобы получилось: *если бодрствует, то спит*, а оно противоречащее. Тогда отрицается все предложение, чтобы получилось такое истинное: *неверно, что если бодрствует, то спит*.

Прибавляем: *при этом бодрствует*, необходимо заключаем: *значит, не спит*.

Понятно, что эти четыре вывода из противоречащих предложений имеют место в третьем модусе. Из них Туллий вспомнил три, об одном же умолчал, а именно о том, которое состоит из двух утвердительных. Он дал два примера: предложения, состоящего из двух отрицательных, и предложения, состоящего из утверждения и отрицания. Остальное же оставил без внимания, потому что они сходством своих заключений подпадают под третий модус» (In Ciceronis Topica 1133A–1135B).

Из этого отрывка видно, что Боэций располагает стоическим источником и гораздо увереннее, чем Цицерон или Секст Эмпирик, справляется с логической операцией отрицания. У Цицерона, например, в тексте нет упоминания о снятии двойного отрицания. Можно подивиться тому, с какой методической дотошностью разбирает Боэций каждый случай, нередко при этом повторяясь, однако для нас, историков логики, данное обстоятельство оборачивается хорошей стороной — мы через многие столетия имеем точное изложение логических взглядов античных авторов.

Теперь ознакомимся с тем, как Боэций излагает остальные четыре модуса. «Четвертый модус состоит из дизъюнкции, таким образом: *либо день, либо ночь, но день, значит, не ночь*. Вывод из него такой, потому что после того как изложено дизъюнктивное высказывание, добавляется первая часть утвердительным образом для того, чтобы

отрицалась вторая; ибо к предложению *либо день, либо ночь* мы добавляем: *но день*, и тогда следует: *значит, нет ночи*.

Пятый модус — тот, в котором в том же самом дизъюнктивном предложении прибавляется с отрицанием первое, чтобы второе внести следующим образом: *либо день, либо ночь, при этом не день*; совершается прибавление, конечно, через отрицание, и тогда следует: *значит, ночь*.

Шестой модус и седьмой выводятся из четвертой и пятой дизъюнктивных посылок, но, естественно, после того как присоединяется отрицание. Предложение перестает быть дизъюнктивным — и добавляется конъюнктивное к тем посылкам, которые выше были даны в дизъюнкции: *неверно, что и день и ночь (non et dies est, et nox est)*. А прежде, в дизъюнкции, оно было таким: *либо день, либо ночь*. Из этого предложения убираем союз “либо” (coniunction “aut”), который был дизъюнктивным, и добавляем отрицание. И таким путем образуем из частей дизъюнктивного предложения, добавляя отрицание, посылки шестого и седьмого модусов, которые суть: *неверно, что и день и ночь*. В ней, если добавляется, что *день*, следует, что *не ночь*, таким образом: *при этом день, значит, не ночь*.

Седьмой же модус — тот, в котором присоединяется с отрицанием первая часть посылки, дабы следовала вторая, таким образом: *неверно, что и день и ночь, при этом не день, значит, ночь*.

А этот модус может проходить только в тех предложениях, в которых необходимо имеется другое, как день или ночь, больной или здоровый, а чего-либо среднего между ними нет. А каким образом заключена истина всякого условного силлогизма в самом себе, мы старательно изложили в книгах, которые озаглавили “О гипотетических силлогизмах”. Теперь же мы прибавляем не то, в чем можно найти более совершенное их рассмотрение, а то, что могло быть приспособленным для толкования мыслей Туллия.

Чтобы, следовательно, все, что мы кратко сказали, собрать вместе, [повторим], что первый модус добавляет в связанном предложении первое, чтобы следовало второе, таким образом: *если день, то свет, при этом день, значит, свет*;

второй модус имеется постольку, поскольку добавляет из связанного предложения второе, противное тому, что помещено в предложении, чтобы отрицать первое, таким образом: *если день, то свет, при этом нет света, значит, не день*;

третий модус имеет место, когда части связанного предложения, состоящего из утвердительных, разделяются отрицанием и, в свою

очередь, ко всему предложению присоединяется отрицание, а далее добавляется первое, как оно высказано в посылке, чтобы из противоположности (*e contrario*) вывести второе, которое является продолжением в посылке, следующим образом: *неверно, что если есть день, нет света, при этом есть день, значит, есть свет.*

Здесь, после того как дано предшествующее, т. е. *день есть*, отрицается то, что следует: *света нет*; а все утверждение уничтожает отрицание, и тогда:

— в случае если предложение состоит из двух отрицательных, у второй части отнимается отрицание и, кроме того, отрицается все предложение, далее прибавляется отрицание первой части предложения, чтобы отрицать то, что следует: *неверно, что если света нет, то день, при этом света нет, значит, нет дня*;

— в случае если предложение составлено из утверждения и отрицания, прибавляется отрицание второй части и вдобавок отрицается все предложение, затем ставится то, что было первым, чтобы отрицать то, что следовало, следующим образом: *неверно, что если не день, то не ночь, при этом не день, значит, ночь*;

— в случае если в том предложении, которое составлено из отрицания и утверждения, отнимается у первой части отрицание и все предложение отрицается, тогда, когда ставится то, что первое, отрицается то, что следует из него, следующим образом: *неверно, что если день, то ночь, при этом день, значит, не ночь*;

— в случае если посылка состоит из утверждения и отрицания, отрицание отнимается у второй части, вдобавок отрицается вся посылка, и, после того как утверждается первое, отрицается то, что следует, так: *неверно, что если бодрствует, то спит, при этом бодрствует, значит, не спит.*

И это все понимается как имеющееся в третьем модусе, и получают они из противоречащих (*ex contrariis*). И всегда добавляется то, что предшествует, чтобы отрицать то, что следует. Это не так, как в условном предложении, потому что, после того как отрицается противоречие, одна из частей будет истинной. Если прибавляется первая часть, будь она утвердительной или отрицательной, так, как ее передает вторая посылка, то, после того как добавляется первая часть, оставшаяся заключает высказыванием противоположного. А именно: если вторая посылка будет утвердительной, то получится отрицательное заключение, а если она отрицательная, то получится утвердительное заключение.

Четвертый модус есть тот, в котором утверждается первое из дизъюнктивного предложения, чтобы отрицать второе, таким образом: *либо день, либо ночь, при этом день, значит, не ночь.*

Пятый модус имеется постольку, поскольку в дизъюнктивном предложении отрицается первая часть, чтобы утверждать вторую, следующим образом: *либо день, либо ночь, при этом не день, значит, ночь.*

Шестой модус имеет место, когда тем вещам, которые можно ввести в дизъюнкцию, т. е. тем, которые противоположностью или противоречием лишены середины, предпосылается отрицание, и они тогда связываются соединительной связкой, и далее ставится то, что первое в предложении, для того чтобы отрицать сопутствующее, следующим образом: *неверно, что и день и ночь, но день, значит, не ночь.*

Седьмой модус имеет место, когда в той же самой посылке отрицается предшествующее, чтобы утверждать последующее, таким образом: *неверно, что день и ночь, при этом дня нет, значит, ночь»* (In Ciceronis Topica 1135B–1137A).

Прежде всего, для облегчения понимания всего отрывка изобразим модусы в символической форме:

I. $1 \rightarrow 2, 1 \vdash 2$

II. $1 \rightarrow 2, \sim 2 \vdash \sim 1$

III. $\sim(1 \rightarrow \sim 2), 1 \vdash 2$

IV. $(1 \vee 2), 1 \vdash \sim 2$

V. $(1 \vee 2), \sim 1 \vdash 2$

VI. $\sim(1 \& 2), 1 \vdash \sim 2$

VII. $\sim(1 \& 2), \sim 1 \vdash 2$

Сравнивая со списком Цицерона, отметим сразу, что шестой модус не вполне повторяет третий. Все схемы, кроме первых двух, имеют в виду взаимоисключающие термины и предложения. Поэтому и седьмой модус, как указывает Боэций, проходит, хотя, как мы уже говорили, его логическая форма не общезначима. Правильность такого рода модусов Боэций в своем трактате «О гипотетических силлогизмах» обосновывает, предлагая учение о свойствах терминов; а именно: если термины взаимоисключающие и между ними нет третьего термина, то добавляется целый ряд модусов, которые можно считать правильными. Впрочем, и в наши дни мы излагаем модусы условно-категорических силлогизмов *ponendo tollens* и *tollendo ponens* с известными оговорками. Примечательно, что Боэций нигде не говорит о нестрогой дизъюнкции. Это не совсем понятно, ибо ему должна бы-

ла быть известна так называемая субдизъюнкция, введенная грамматиками.

В целом комментарий Бозция служит важным историко-логическим документом, что ясно даже при первом знакомстве с ним.